

УДК 811.161.1: 821.161.1

Е. А. Осинцева-Раевская

**ЛЕКСЕМА ПРЕКРАСНЫЙ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ
АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ФРАГМЕНТА КАРТИНЫ МИРА
А. С. ПУШКИНА**

На материале поэзии и драматургии А. С. Пушкина выявляется лексико-семантическая парадигма средств экспликации представления о прекрасном в его внешнем и внутреннем проявлении.

The poetry and plays of A.S. Pushkin serve as the material for identifying the lexical-semantic paradigm of means of explicating the idea of the beautiful in its external and eternal manifestations.

Ключевые слова: концепт, прекрасное, красота, эстетика, А. С. Пушкин, лексика, идиостиль.

Key words: concept, the beautiful, beauty, aesthetics, A.S. Pushkin, lexis, individual style.

Прекрасное, наряду с другими эстетическими категориями, есть необходимая составляющая жизни человека, «который не просто принимает красоту своим сердцем..., но “творит” ее, украшая свой быт и свою жизнь» [3, с. 150]. Красота приносит человеку радость. Поэтому не случайно, что в русском национальном самосознании она искони отражается как эстетическая категория, соотносимая с чувственным измерением *прекрасного*, выявляемого в различных сферах мироздания. И эту притягательную силу красоты не мог не чувствовать А. С. Пушкин, для которого синтез духовного и внешнего являлся одним из эффективнейших стимуляторов творческого и жизненного процесса. Субстанция прекрасного, выступая в качестве одной из ведущих доминант концептуального пространства писателя, получает воплощение в его творчестве.

Как средство экспликации представления о прекрасном в творчестве Пушкина используется целый ряд лексем, составляющих особую лексико-семантическую парадигму с доминантной лексемой *прекрасный*.

Эстетический потенциал данной лексемы во многом обусловлен ее этимологией. Лексема *прекрасный* образована с помощью приставки **прѣ-** в значении, близком к смыслу приставки *наи-*, от корня *-крас-* в значении «красивый» [8]. Учитывая семантику приставки **прѣ-**, подчеркивающей превосходную степень того или иного качества, значение слова *прекрасный* следует трактовать как «отличающийся необыкновенной красотой, очень красивый», что отражено в толковых словарях русского языка [6; 7].

Согласно словарю Черных, лексема *краса* этимологически соотносится с др.-рус. корнем *-крада-* («огонь», «жертвенник»), а это, в свою очередь, позволяет предположить, что изначальное значение «красота»

по отношению к корню *-крада-* могло возникнуть именно в связи с сакральным значением «жертвенный огонь», что, безусловно, должно было отразиться на значении корня *-крас-*, а следовательно, и на значении лексемы *прекрасный* [9].

В качестве репрезентатора редкой внешней красоты лексема *прекрасный* активно используется в поэтической системе Пушкина, прежде всего при обозначении женской красоты. Сравним, например, употребление данной лексемы как характеристики богини красоты Киприды и при описании Людмилы в поэме «Руслан и Людмила»: «Вот зеркало мое — прими его, Киприда! // Богиня красоты прекрасна будет век» [5, т. 1, с. 117]; «Моя прекрасная Людмила, // По солнцу бегая с утра, // Устала, слезы осушила...» [5, т. 2, с. 248]; «Казалось — тень княжны прекрасной // Коснулась трепетным устам...» [5, т. 2, с. 248]; «Волшебной шапкою хранима, // Что делает моя княжна, // Моя прекрасная Людмила?» [5, т. 2, с. 248]. Значение образа усиливается частотностью повторений лексемы *прекрасный*.

Соответствующую семантику данной лексемы обуславливает ее употребление по отношению к Марии, героине поэмы «Полтава», любимой и единственной дочери Кочубея, красота которой для ее отца была дороже всех богатств и привилегий: «Не златом, данью крымских орд, // Не родовыми хуторами — // Прекрасной дочерью своей // Гордился старый Кочубей» [5, т. 2, с. 384].

В таком же эстетическом ключе лексема *прекрасный* употребляется в поэме «Бахчисарайский фонтан» по отношению к образу Заремы, которой до появления прекрасной Марии в гареме хана не было равных. «Итак, послушай: я прекрасна; // Во всем гареме ты одна // Могла б еще мне быть опасна...» [5, т. 2, с. 347].

Следует отметить, что реализация лексемы *прекрасный* и ее широкие синонимические связи имеют особую значимость в соотносительности с денотатом «глаз». Именно глаза, отражая глубину человеческой души, представляются наиболее ярким свидетельством красоты в ее духовном проявлении: «Забуду ли улыбку, взор прекрасный // И огненный, волшебный разговор!» [5, т. 1, с. 274]; «Вдруг осветился взор прекрасный; // К устам прижала она перст» [5, т. 2, с. 248]; «Ты, кажется, ее не находил // Красавицей. И точно, мало было // В ней истинно прекрасного. Глаза, // Одни глаза. Да взгляд... такого взгляда // Уж никогда я не встречал» [5, т. 3, с. 326].

Осмысление (и репрезентация) концепта «прекрасный» искони свойственно русской культурной традиции, что находит яркое отражение в произведениях русского фольклора, в частности старообрядческого. Как указывает С.Е. Никитина, Иосиф Прекрасный, упоминаемый в церковной службе в Великий пост, воспринимается в качестве прообраза Христа, являющегося символом духовной высоты и чистоты [4, с. 639]. В русском национальном осмыслении истинно прекрасным является тот, в ком внешняя красота реализуется в единстве с внутренним совершенством и, озаряясь им, сама становится источником свечения. Обращаясь к словам Н.Д. Арутюновой, можно говорить о том, что «произошел обмен терминами: красота, присоединив к себе высокую идею добра, перешла в область духа и воплотилась в образе Христа» [2, с. 16].

В контексте вышесказанного следует отметить, что семантика лексемы *прекрасный* при функционировании ее в текстах Пушкина реализуется не только вышеотмеченными примерами. «В подлинно национальном сознании поэта рождается теза: “Прекрасное должно быть величаво”, т.е. должно вызывать не просто восторг, восхищение, но истинное поклонение удивительному синтезу высокой внешней и духовной (внутренней) красоты» [1, с. 8].

Обращаясь к толковым словарям русского языка [6; 7], мы устанавливаем, что «величавый» — это «исполненный торжества, величественный». В свою очередь, «величественный» определяется как «исполненный величия, торжественный, величавый». Таким образом, «величавый», «величественный» оказываются в прямой связи с лексемами *величие* («присутствие в ком-, чем-либо выдающихся свойств, качеств»), а также *великий*, т.е. «выдающийся по своему значению, по своим достоинствам».

В этом отношении интересно обратиться к «Сказке о царе Салтане...» Пушкина. Князя Гвидона в рассказе о загадочной царевне поражает не только ее дивная красота, но не в меньшей мере и то, что в тексте получает обозначение через слово *величавый*. Поэтому-то при дальнейшем воссоздании данного образа по-пушкински уместным оказывается эпитет «прекрасный». Ср.: «Что об этом обо всем // Передумал он путем; // Что готов душою страстной // За царевною прекрасной // Он пешком идти отсель...» [5, т. 3, с. 175]. При этом Гвидон не догадывается, что счастье его рядом — нужно только самому соответствовать этим высоким человеческим качествам.

К эстетической категории образов, построенных на единстве *великого* (*величавого*) и *прекрасного*, относится также дева в белом на скале над бушующим морем, «всчасно» озаряемая «блеском алым» молний (стихотворение «Буря»). И хотя соответствующее словесное выражение в тексте отсутствует, ощущение величественности и здесь обуславливает представление об истинно прекрасном: «Прекрасно море в бурной мгле // И небо в блесках без лазури; // Но верь мне: дева на скале // Прекрасней волн, небес и бури» [5, т. 1, с. 450].

Утверждая признак «величавый (величественный)» в качестве одной из непрременных констант *прекрасного*, Пушкин открывает для себя возможность более глубокого проникновения в эстетику человеческих чувств, в эстетику *прекрасного*. Так, в свете тезы «Прекрасное должно быть величаво» вполне мотивированным представляется употребление взаимоисключающих эпитетов-определений *ужасен / прекрасен* по отношению к Петру Великому («Полтава») в качестве репрезентаторов его сложного психологического состояния перед исторической битвой [5, т. 2, с. 383].

С ориентацией на семантическую специфику лексем *величавый*, *величественный* как ядерных компонентов концептуального пространства «прекрасный» возможной становится и мотивация употребления лексем *утоение* и *наслаждение* в тексте гимна Вальсингама («Пир во время чумы»). По земле шествует «царица грозная Чума», «стуча могильною лопатой» и предвкушая «богатую жатву». И как бы в насмешку над

ней, в насмешку над самой смертью звучат исполненные жизненного оптимизма слова гимна: «Все, все, что гибелью грозит, // Для сердца смертного таит // Незыблемы наслажденья...» [5, т. 3, с. 352]. Апофеоз этого гимна — наслаждение в критической ситуации, на грани смерти, которая тем самым превращается в бессмертие («...бессмертья, может быть, залог...» [5, т. 3, с. 352]). И это ощущение величия смерти-бессмертия дает Пушкину возможность в «Путешествии в Арзрум» назвать *прекрасной* насильственную, преждевременную смерть Грибоедова. «Сама смерть, — отмечает писатель, — постигшая его среди смелого, неравного боя... была мгновенна и прекрасна» [5, т. 4, с. 352].

Итак, подводя итог сказанному выше, можно утверждать, что все особо значимое в жизни человека Пушкин стремится определить через лексему *прекрасный* и ее ближайшие синонимы.

При этом еще раз следует отметить, что в ряде случаев слово «прекрасный» утрачивает — или почти утрачивает — свое изначальное значение (проявление чисто внешней красоты) и становится главным репрезентатором высших духовных ценностей. Именно такое образно-семантическое осмысление лексемы *прекрасный* определяет ее последующую смысловую эволюцию в русском языке послепушкинского периода, обеспечивая ей уникальное положение в лексической системе русского языка в целом.

Список литературы

1. Алимпиева Р. В. Лексема прекрасный в эстетической системе А. С. Пушкина и ее этнокультурный аспект // Актуальные проблемы лингвистической семантики : сб. науч. тр. Калининград, 1998. С. 3 — 10.
2. Арутюнова Н. Д. Истина. Добро. Красота: Взаимодействие концептов // Логический анализ языка: Языки эстетики. Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М., 2004. С. 5 — 29.
3. Вендина Т. И. Прекрасное и безобразное в русской традиционной духовной культуре // Там же. С. 143 — 161.
4. Никитина С. Е. О статусе красоты в современной народной культуре: прекрасное и красивое // Там же. С. 639 — 649.
5. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 8 т. М., 1954.
6. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л., 1948 — 1965.
7. Словарь русского языка : в 4 т. М., 1981 — 1984.
8. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.
9. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 1993.

Об авторе

Екатерина Анатольевна Осинцева-Раевская — магистрант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: solom_ka@mail.ru

About author

Yekaterina Osintseva-Rayevskaya, postgraduate student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: solom_ka@mail.ru